Фридрихъ Нитче.

Перечелъ произведенія Нитче и странное все время испытывалъ чувство. Стоило отдаться чтенію, и я сознавалъ, что наблюдаю явленіе, безпримѣрное по силѣ, по стремительности, по движенію впередъ, какую-то литературную Ніагару. Не видишь словъ и фразъ, а непосредственно созерцаешь освобожденную стихію мысли, летящую впередъ, уносящую съ собою. Но какъ только я прекращалъ чтеніе, чтобъ мысленно оглянуться вокругъ себя, я съ удивленіемъ видѣлъ, что бушевавшая стихія никуда меня не унесла, что ея движеніе впередъ было, на самомъ дѣлѣ, движеніемъ водопада, прикованнымъ къ одному и тому-же мѣсту, дерзновеннымъ прыжкомъ не со звѣзды на другую, а съ камня на камень, съ высоты нѣсколькихъ саженъ. Нитче не освободилъ меня не только отъ грубости и уродства столѣтій, но отъ грубости и уродства вчерашняго дня.

Вотъ, напримѣръ, не дальше, какъ сегодня утромъ, я въ свѣжеотпечатанномъ номерѣ газеты прочелъ, что нѣмцы взяли въ плѣнъ полтораста китайцевъ, выстроили ихъ въ шеренгу и разстрѣляли. И тотчасъ мнѣ вспомнились афоризмы Нитче: „Состраданіе — вотъ орудіе нигилизма“... „Этотъ угнетающій и заразительный инстинктъ находится въ прямомъ противорѣчіи съ другими инстинктами, разсчитанными на сохраненіе и увеличеніе цѣнности жизни“... „Во имя инстинкта жизни слѣдуетъ отыскать такое болѣзнетворное и опасное скопленіе состраданія, какимъ представляется философія Шопенгауэра (а равно весь литературный и художественный декадансъ отъ Петербурга до Парижа, отъ Толстого до Вагнера) и нанести этому нарыву ударъ, дабы онъ лопнулъ... Нѣтъ ничего болѣзненнѣе, среди нашей болѣзненной современности, чѣмъ христіанское состраданіе. Здѣсь быть врачемъ, здѣсь быть неумолимымъ, здѣсь дѣйствовать ножемъ, — вотъ, что достойно насъ, вотъ наша манера проявлять человѣколюбіе, вотъ, въ чемъ мы—философы, мы—гиперборейцы.“ И въ другомъ мѣстѣ: „На что-бы понадобилось божество, чуждое гнѣва, мстительности, зависти, презрѣнія, хитрости и насилія? Божество, ниразу не извѣдавшее упоительнаго пыла побѣды и разрушенія?“ И еще въ третьемъ мѣстѣ: „Князь во главѣ своихъ полковъ,—какое великолѣпное воплощеніе самолюбія и самовозвеличенія цѣлаго народа“... Взятые сами по себѣ, эти афоризмы не кажутся-ли дерзкими и новыми? Но вотъ я соединяю мысленно всѣ эти дерзновенныя и новыя идеи: смертельный ударъ, нанесенный состраданію, божество, упоенное побѣдой и разрушеніемъ, и великолѣпіе князя, парадирующаго во главѣ своихъ полковъ, и неожиданно для себя, вдругъ въ результатѣ получаю выстроенныхъ въ шеренгу военноплѣнныхъ и въ двадцати шагахъ противъ нихъ другую шеренгу побѣдителей. („Мы—философы! Мы—гиперборейцы!“) Какъ-

то случилось, что, прыгая со звѣзды на звѣзду, идеалы Нитче очутились среди грубой и нелѣпой дѣйствительности вчерашняго дня. Не приходится даже прибѣгать къ слишкомъ легкому и поэтому пошлому и дешевому пріему—къ объясненію идей автора его національностью или происхожденіемъ. Развѣ одни нѣмцы поступаютъ по нитчеански? А испанцы на Кубѣ, англичане въ Южной Африкѣ, турки въ Арменіи? И если всѣ они—„философы и гиперборейцы", то чѣмъ не философъ и не гипербореецъ тотъ фельдфебель, котораго Скалозубъ хотѣлъ дать въ Вольтеры русскимъ вольнодумцамъ?

Но, сопоставляя такимъ образомъ идеи Нитче съ грубыми фактами войны и политики, не совершаю-ли я несправедливости по отношенію къ теоретику-философу, не низвожу-ли его насильно въ низшую сферу, въ которой никогда не жила его мысль? Вѣдь самъ Нитче говорилъ о политической жизни народовъ не иначе, какъ съ высокомѣріемъ и насмѣшкой и даже увѣрялъ, что нѣмцы оттого такъ плохо понимаютъ его философію, что слишкомъ возятся со своей новорожденной имперіей. Но вотъ мнѣ вспоминается одно его любопытное признаніе. Нападая на современное общество за приверженность, хотя-бы только на словахъ, къ ученію Христа, Нитче восклицаетъ: „Куда дѣлось послѣднее чувство приличія, уваженіе къ самому себѣ, если *даже* наши государственные люди, эта во всемъ прочемъ мало стѣсняющаяся порода людей, *эти вполнѣ и насквозь антихристы въ своихъ поступкахъ*, — если даже они называютъ себя христіанами". Итакъ, самъ Нитче признаетъ, что новый идеалъ антихриста, который онъ несетъ міру, уже воплощенъ въ поступкахъ государственными людьми его родины. Нѣтъ, не могу побѣдить въ себѣ чувство недовѣрія къ философу, который того и гляди проведетъ меня не то передъ фронтъ солдатъ, не то въ канцелярію государственныхъ мужей. Боюсь Нитче, боюсь не столько новой его лжи и неправды, сколько возврата съ нимъ къ старому и пережитому. Все, только не прежнее, не прежняя любовь и не прежняя жестокость, ибо жаждетъ душа новой земли и новаго неба.

Чѣмъ глубже вдумываюсь въ міросозерцаніе Нитче, тѣмъ яснѣе вижу бездну, которая отдѣляетъ его отъ моей души и, кажется, отъ души всякаго, кто сознательно примыкаетъ къ великому символическому движенію современной литературы, хотя, по странному недоразумѣнію, Нитче считается однимъ изъ родоначальниковъ символизма. Опуская второстепенные признаки и оттѣнки, можно сказать, что символизмъ, какъ крупное явленіе современности, представляетъ изъ себя новое равновѣсіе матеріальнаго и духовнаго начала жизни. Символизмъ видитъ въ явленіяхъ внѣшняго міра лишь уподобленія и, если можно такъ выразиться, равнозначія иного міра, духовнаго, непостижимаго, священнаго. Въ отличіе отъ идеализма и матеріализма, символизмъ считаетъ оба естества міра одинаково цѣнными. Символизмъ насквозь пластиченъ и мистиченъ, воспринимаетъ каждое явленіе, какъ образъ и какъ таинство, какъ откровеніе красоты и божественности, искусства и религіи, и въ этой автономной двойственности матеріи и духа—вся глубина символизма и сила. Между тѣмъ въ философіи Нитче элементъ духа или ставится на второе служебное мѣсто, или совершенно отрицается, и такое духоборство отодвигаетъ нитчеанство въ разрядъ тѣхъ полу-философскихъ, полу-научныхъ системъ, которыя въ такомъ количествѣ расплодились въ Европѣ подъ вліяніемъ открытій Дарвина. По мнѣнію Нитче, часто имъ повторяемому, разговоры о духѣ, о Богѣ, объ идеѣ уже являются опасными симптомами декаданса, упадка жизненной энергіи, замѣны жизнеобильныхъ инстинктовъ жизне-скудными, здо-

ровой воли къ власти — болѣзненной волей къ „ничто“, „благородной“ морали насилія— „рабской“ моралью состраданія. Всѣ религіи, вся идеалистическая философія древнихъ и новыхъ, по мнѣнію Нитче, не что иное, какъ результатъ враждебнаго отношенія къ жизни („за исключеніемъ ученія двухъ-трехъ скептиковъ, этихъ единственно порядочныхъ людей въ исторіи философіи“). Нитче пришелъ, чтобы спасти міръ отъ идеализма и декаданса.

„Мы,—говоритъ онъ,—больше не производимъ человѣка отъ „Духа“ или отъ Бога, мы его снова помѣстили въ ряду животныхъ“. „Все, что теперь вообще можетъ быть постигнуто о человѣкѣ, говоритъ лишь за то, что онъ долженъ быть разсматриваемъ, какъ машина“. „Прежде въ сознаніи человѣка, въ его „духѣ“ видѣли доказательство его высшаго происхожденія, его божественности... Мы-же это перерѣшили; сознательность, „духъ“ кажутся намъ какъ разъ симптомомъ сравнительнаго несовершенства организма“. „Чистый духъ кажется намъ чистою глупостью. Если вычесть свою нервную систему, свои внѣшнія чувства, „смертную оболочку“, то мы обсчитаемъ себя въ конецъ—вотъ и все“. Не знаю, кого разумѣлъ Нитче подъ собирательнымъ „мы“, но русскій читатель, вѣроятно, отнесетъ къ этому „мы“ Базарова и Писарева и не ошибется. Отсутствіе въ міросозерцаніи Нитче божественной бездны образуетъ реальную бездну, навсегда отдѣляющую его отъ нашего сердца и навсегда ставящую его по ту сторону символизма и мистики. Воздушный мостъ, который Нитче хотѣлъ перекинуть черезъ эту бездну въ видѣ сверхчеловѣка, едва-ли выдержитъ нашу мечту, отягченную любовью къ вѣчному. Достигнувъ этого достижимаго и внѣ-мистическаго сверхчеловѣка, человѣчеству пришлось-бы окунуться въ самодовольство и жить отнынѣ жизнью безцѣльной, не строить-же новый мостъ—сверхъ-сверхчеловѣка, а потомъ сверхъ-сверхъ-сверхчеловѣка и такъ до безконечности. Но въ такомъ случаѣ стремленіе къ сверхчеловѣку мало чѣмъ отличается отъ дарвиновскаго совершенствованія расы при посредствѣ борьбы и разныхъ подборовъ. Если между ними и окажется нѣкоторое различіе, то всецѣло въ пользу Дарвина. Совершенствованіе вида, хотя не заключаетъ въ себѣ момента вѣчности, все-же, по своей природѣ, непрерывно и безостановочно и такимъ образомъ являетъ собою хотя-бы призрачное подобіе истинной, божественно-мистической цѣли жизни. Между тѣмъ сверхчеловѣкъ Нитче—явленіе законченное, остановившееся; это не движущаяся съ жизнью, влекущая и недостижимая цѣль, а порогъ, по капризу случая возникающій то тутъ, то тамъ, средство отречься одновременно и отъ Бога, и отъ человѣка. Впрочемъ, пусть самъ Нитче объясняетъ свое дѣтище. „Человѣчество не обнаруживаетъ развитія къ чему-либо лучшему, сильнѣйшему, высшему, какъ принято теперь вѣрить. Идея о „прогрессѣ“ (Fortschritt)—новая и, слѣдовательно, ложная идея. Европеецъ нашихъ дней далеко остается позади европейца временъ ренессанса... Совсѣмъ въ другомъ смыслѣ, на различныхъ пунктахъ земли, среди разнообразныхъ культуръ, встрѣчается длящееся преуспѣваніе отдѣльныхъ случаевъ, въ которыхъ на самомъ дѣлѣ проявляется высшій типъ: нѣчто такое, что по сравненію съ цѣлымъ человѣчествомъ, представляетъ собою разновидность сверхчеловѣка“.

Первородный грѣхъ философіи Нитче— замѣна въ ней религіознаго паѳоса естественно-научнымъ, отсутствіе мистической дали, той бездонной атмосферы, въ которой матерія преображается и дѣлается символически-идеальной. Одной любви къ матеріи, одной дерзкой жизнерадостности, одной воли къ власти еще мало, чтобы придать жизни значительность и величіе. Быстроногій Ахиллесъ

кажется намъ богоравнымъ, но ничего божественнаго не видимъ мы въ быстроногомъ велосипедистѣ. Жестокость Зевса, карающаго Прометея, прекрасна, но уродлива безжалостность фабриканта, выматывающаго послѣднія силы изъ малолѣтнихъ рабочихъ. Жизнерадостный смѣхъ Олимпійцевъ окрыляетъ душу, но отвращеніе внушаетъ жизнерадостный смѣхъ уравновѣшеннаго, здороваго, бездушнаго рантье. Происходитъ это оттого, что въ дѣятельности велосипедиста, фабриканта и рантье мы не чувствуемъ мистическаго момента, дыханія судьбы и вѣчности. И я долженъ сознаться, что, читая „здоровые" афоризмы Нитче, я часто задавалъ себѣ вопросъ, ужъ не просочился-ли въ душу философа ядъ буржуазнаго самодовольства, милитаризма, полу-научнаго свободомыслія, національнаго чванства, столь глубоко отравившій нѣмецкое (и всеевропейское) общество нашихъ дней? Развѣ похожъ Нитче на кабинетнаго наивнаго ученаго, серьезно увѣреннаго въ томъ, что причина европейскаго декаданса — обуревающее насъ христіанское милосердіе? Скорѣе не великій-ли онъ лукавецъ и насмѣшникъ, который, щеголяя на словахъ дерзновеніемъ мысли и презрѣніемъ ко всему роду человѣческому, на дѣлѣ оказывается покладливѣйшимъ и добродушнѣйшимъ всеобщимъ пріятелемъ? Не уловляетъ-ли онъ читателя въ свои сѣти, шепча ему на ухо: „Не бойся! Вмѣсто прежней морали, требовательной и придирчивой, я несу тебѣ новую, которая никакихъ подвиговъ, ни трудовъ не потребуетъ, ибо ты и безъ меня достаточно жестокъ, кровожаденъ, властолюбивъ, здоровъ. Замѣни лишь слово „христіанство" словомъ „нитчеанство" — и ты будешь совершененъ".

Не странно-ли, въ самомъ дѣлѣ, то обстоятельство, что Германія,—родина философскаго пессимизма,—является въ тоже время родиной практическаго самодовольства и жизнерадостности. Какъ могло случиться, что во главѣ этихъ вымуштрованныхъ и счастливыхъ людей стали Шопенгауэръ и Гартманъ, считающіе бытіе зломъ и обманомъ? Какимъ образомъ эта бодрая толпа не выдвинула изъ себя проповѣдниковъ бодрыхъ инстинктовъ, энергіи, дисциплины, веселія? Правда, нашелся нѣмецкій мыслитель, Давидъ Штраусъ, который пытался было возвести „въ новую вѣру" эту нѣмецкую (и общеевропейскую) практическую жизнерадостность, столь-же враждебную религіи, какъ и метафизикѣ. Но къ выполненію такой задачи Штраусъ приступилъ слишкомъ по профессорски, со спокойной научной добросовѣстностью, забывая, что новое душевное равновѣсіе, которое онъ собирался возвести въ религію, выросло не въ кабинетахъ ученыхъ, а на поляхъ битвъ, въ залахъ гимнастики и фехтованія, на велодромахъ, что на жизнерадостное міросозерцаніе современнаго европейца гораздо болѣе повліяли условія гигіены и спорта, чѣмъ признаніе библейскихъ чудесъ или критика ихъ. Ошибку Штрауса глубже всѣхъ понялъ и ярче всѣхъ указалъ никто иной, какъ Нитче. Но кто знаетъ, не поступилъ-ли онъ въ данномъ случаѣ со Штраусомъ, какъ разбойники на большой дорогѣ поступаютъ съ проѣзжимъ купцомъ, т. е. не убилъ-ли онъ Штрауса для того, чтобы ограбить его? Не возомнилъ-ли самъ Нитче себя пророкомъ и глашатаемъ этой новой религіи матеріальнаго комфорта, гордой чистоплотности и развитой мускулатуры, которая не только побѣдила пессимизмъ прежней мистики и философіи, но какъ-бы смяла и растоптала самую мистику и философію? Не есть-ли сверхчеловѣческая гордость Нитче только разсчитанный на эффектъ начальническій окрикъ, а самый Uebermensch только Obermensch, не сверхъ-человѣкъ, а оберъ-человѣкъ, какъ бываетъ оберъ-офицеръ и оберъ-контролеръ, начальникъ надъ всѣми людьми вообще —

оберъ-человѣкъ, наиболѣе сильный, наиболѣе строгій, наиболѣе самодовольный?

И нужно отдать Нитче справедливость въ томъ, что если онъ задался цѣлью возвести въ религію здравый смыслъ жестокой и жизнерадостной толпы, то выполнилъ эту задачу съ великимъ талантомъ и знаніемъ человѣческаго сердца. Желая привлечь толпу, онъ бранитъ ее и превозноситъ немногихъ избранныхъ, зная, что это вѣрнѣйшее средство стать кумиромъ толпы, изъ которой каждый въ душѣ вопіетъ: „я и есть этотъ избранный, это исключеніе!“ Нитче создалъ новую риторическую фигуру, которую я-бы назвалъ фигурой запугиванія. Прежде, чѣмъ высказать какую-нибудь мысль, онъ даетъ понять, что, конечно, ее не одобрятъ лицемѣры и трусы, и запуганный читатель заранѣе ее одобряетъ, лишь-бы откупиться этою цѣною отъ званія труса и лицемѣра. Нитче всегда повторяетъ, что пишетъ для немногихъ, что его идеи обитаютъ на неприступныхъ высотахъ, что, въ отличіе отъ мыслителей всѣхъ вѣковъ, онъ не ищетъ истины, а даетъ ее готовой, что онъ „шагаетъ по вершинамъ“, что для пониманія его уже нуженъ геній. „Книга эта (такъ начинается предисловіе къ Антихристу) принадлежитъ лишь весьма немногимъ. Можетъ быть изъ нихъ никто не родился... Какъ могъ-бы я смѣшать себя съ тѣми, которые уже теперь находятъ внемлющія имъ уши? Только день, который настанетъ вслѣдъ за завтрашнимъ, принадлежитъ мнѣ. Иные рождаются въ міръ посмертными“. И намъ любопытно сопоставить эти безумныя (или слишкомъ благоразумныя?) рѣчи съ дѣйствительностью, которую онѣ-же создали, съ безпримѣрною популярностью имени, идей и сочиненій Нитче, которыя въ нѣсколько лѣтъ обошли весь міръ и повсюду нашли почитателей и послѣдователей. И что удивительнаго въ томъ, что мессія здраваго смысла и жизненныхъ инстинктовъ былъ скоро понятъ и оцѣненъ именно толпою? Однако, можно-ли считать Нитче благоразумнымъ и неискреннимъ? Чѣмъ тогда объяснить безконечное обаяніе его рѣчи, его несомнѣнную геніальность, которая сама уже является залогомъ искренности? Самъ Нитче, признавая только власть инстинктовъ и отрицая значеніе въ жизни чистаго разума, полагалъ, что лучшее средство объяснить философскую систему это—понять заднія мысли, руководившія ея творцомъ. „Они (философы) всѣ притворяются, будто открыли и постигли свои мнѣнія чрезъ саморазвитіе холодной, чистой, божественно-безпечальной діалектики, между тѣмъ какъ на самомъ дѣлѣ они защищаютъ заранѣе подобранными доводами какое-нибудь предвзятое положеніе, выдумку, а всего чаще какое-нибудь сердечное желаніе, искусно превращенное въ абстрактъ“. Философы такъ-же подчиняются инстинктамъ и влеченіямъ сердца, какъ другіе люди, и потому изучать философію слѣдуетъ при помощи не логики, а психологіи,—таковъ излюбленный тезисъ Нитче. Почему-бы не примѣнить этого психологическаго метода къ его-же творцу?

Врагомъ идеализма и философіи Нитче сталъ только впослѣдствіи. Началъ-же онъ свою литературную дѣятельность на большой идеальной высотѣ и въ своемъ „Происхожденіи трагедіи“ далъ рѣдкій образецъ философской критики искусства. Въ то время Нитче увлекался трагедіей грековъ, философіей Шопенгауэра и музыкой Вагнера, и изъ этихъ трехъ, казалось-бы, разнородныхъ элементовъ съумѣлъ составить изумительное по красотѣ цѣлое, какой-то философско-художественный нектаръ. Почему-же Нитче не удержался на этой высотѣ, почему онъ добровольно бросился съ нея внизъ, добровольно „закатился“? Отвѣтъ можетъ быть лишь одинъ. Потому что самостоятельнымъ философомъ рядомъ съ Шопенгауэромъ Нитче

стать не могъ, оставаться-же ученикомъ, хотя бы самымъ блестящимъ, кого-бы то ни было, не дала ему проснувшаяся въ немъ неукротимая, ненасытная, по истинѣ сверхчеловѣческая, но вполнѣ человѣчная и понятная каждому изъ насъ жажда величія, поклоненія, безсмертія. Это послѣднее чувство и есть та сила, которая дѣлаетъ Нитче не только искреннимъ, блестящимъ, но и глубоко современнымъ представителемъ новаго человѣчества, освободившагося отъ ярма религіи и долга и немедленно заболѣвшаго маніей величія.

Вчитываясь глубже въ „Происхожденіе трагедіи", мы подъ гармоническимъ узоромъ, въ которомъ авторъ такъ искусно слилъ античное міросозерцаніе съ пессимизмомъ новой философіи, открываемъ, однако, неразрѣшимое, болѣзненное противорѣчіе. Міросозерцаніе грековъ, несмотря на трагическій элементъ ихъ искусства, въ конечномъ результатѣ утверждало жизнерадостность или, выражаясь языкомъ, впослѣдствіи выработаннымъ Нитче, говорило: да. („Жизнь въ основѣ вещей, несмотря на всѣ смѣны явленій, несокрушимо могуча и радостна"). Между тѣмъ, трагическое міросозерцаніе Шопенгауэра съ начала до конца утверждаетъ скорбь и безцѣльность жизни, говоритъ: нѣтъ. Какъ было примирить эллинскую радость и Шопенгауэровскую скорбь? Отъ кого отречься: отъ грековъ? отъ Шопенгауэра? Но Нитче той эпохи былъ одинаково зачарованъ и покоренъ геніемъ эллиновъ и геніемъ Шопенгауэра, и въ этой слѣпой привязанности къ тому и другому сказывается одна изъ основныхъ чертъ характера Нитче, которую я-бы назвалъ жаждою духовнаго рабства, чисто женской влюбчивостью ума, черта характера, съ которой Нитче долженъ былъ бороться всю жизнь, такъ какъ наряду съ этой рабской преданностью ему была врождена другая, также свойственная рабамъ, страсть—мѣнять одного властелина на другого, возиться съ цѣпями, надѣвать ихъ и разбивать.

Чтобы рѣшить основное противорѣчіе между эллинской радостью и новымъ пессимизмомъ, простѣйшимъ средствомъ было двинуть впередъ философскую мысль съ того пункта, гдѣ ее оставили усилія Канта и Шопенгауэра. Но для такого теоретическаго подвига у Нитче не было врожденныхъ силъ. Вопросъ, который ему предстояло рѣшить, былъ болѣе интимный: отречься отъ Шопенгауэра или не быть. Но для рабски влюбленной и рабски непокорной души Нитче Шопенгауэръ продолжалъ оставаться воплощеніемъ всякой возможной философіи и отреченіе отъ учителя равнялось для него отреченію отъ философіи вообще. Нитче и дѣлаетъ этотъ шагъ, бросается внизъ съ прежней идеальной высоты въ ущелье инстинктовъ, реализма, матеріализма, здраваго смысла, здоровой, а то и здоровенной жизнерадостности, лишь-бы стать спиною къ волшебнику Шопенгауэру, взоры котораго горѣли съ такою притягательною силою. Но и порвавъ цѣпь, Нитче продолжалъ носить на душѣ глубокій слѣдъ прежняго рабства, и все, что онъ писалъ впослѣдствіи объ инстинктахъ, о волѣ къ власти, было въ сущности лишь отрывочнымъ воспоминаніемъ объ ученіи Шопенгауэра, котораго забыть онъ не былъ въ силахъ. Нитче написалъ „Der Fall Wagner", но главная трагедія его жизни, „Der Fall Schopenhauer", была имъ благоразумно обойдена молчаніемъ.

Снова приходится вспомнить сравненіе творчества Нитче съ водопадомъ. Шумъ, стремительность и блескъ этого творчества обусловлены были не избыткомъ силъ, а скорѣе ихъ скудостью, не просторомъ, но стѣсненностью русла, необходимостью одолѣть препятствія. Можно съ увѣренностью сказать, что тамъ, гдѣ стиль и мысли Нитче всего больше горятъ и увлекаютъ, тамъ онъ всего больше низвергается и падаетъ. И наоборотъ, чѣмъ

больше Нитче падаетъ, какъ мыслитель и моралистъ, тѣмъ сильнѣе онъ проявляетъ свою необузданную, въ рабствѣ рожденную и жаждующую освобожденія индивидуальность.

Читая то, что Нитче послѣ „Происхожденія трагедіи“ писалъ объ идеализмѣ и философіи, кажется, будто видишь человѣка, который долго и напрасно искалъ ключъ къ двери и, не найдя его, изступленно начинаетъ ломиться въ дверь и потрясать стѣны дома. Всякая возможность истины отрицается во имя не истины, во имя здоровыхъ инстинктовъ жизни. Создается новая теорія, по которой декадансомъ оказывается всякое идеалистическое движеніе, а подъ именемъ декандентовъ сваливаются въ кучу первые христіане, Сократъ и Платонъ, Будда и Эпикуръ, Толстой и Вагнеръ, Кантъ и Шопенгауэръ, однимъ словомъ всѣ, кромѣ Нитче и его „предопредѣленныхъ судьбою“ читателей. „Почему и не быть обманутымъ,—спрашиваетъ Нитче,—это только нравственный предразсудокъ думать, будто истина цѣннѣе видимости, изъ всѣхъ предположеній въ мірѣ это—наименѣе доказанное“. Съ философомъ Нитче не вступаетъ въ споръ, но обрываетъ его слѣдующимъ замѣчаніемъ: „Милостивый государь, едва-ли правдоподобно, что вы не ошибаетесь, но на что вамъ вообще непремѣнно правда?“ „Ложность сужденія еще не основаніе для его осужденія... Вопросъ въ томъ, насколько оно жизнетворно, насколько нужно для сохраненія жизни, для сохраненія расы, даже, можетъ быть, для ея роста“. „Заблудившійся инстинктъ вездѣ и во всемъ, отрицаніе природы, какъ инстинкта, нѣмецкій декадансъ, какъ философія—вотъ, кто такой Кантъ!“ „Если вспомнить, что у всѣхъ народовъ философъ представляетъ лишь дальнѣйшее развитіе типа жреца, то перестаешь удивляться этой жреческой привычкѣ, унаслѣдованной философами,—способности расплачиваться съ собой фальшивой монетой“.

Невольно вспоминаются иныя рѣчи молодого Нитче о „колоссальномъ мужествѣ и мудрости Канта и Шопенгауэра“, сравненіе Шопенгауэра „съ рыцаремъ, сопутствуемымъ смертью и дьяволомъ, какимъ изобразилъ *его* Дюреръ,—облеченнымъ въ броню, съ твердымъ, стальнымъ взглядомъ, съ рыцаремъ, который, не робѣя передъ своими грозными спутниками, хотя и безъ надежды, держитъ свой страшный путь одинъ со своимъ конемъ и собакой. Такимъ дюреровскимъ рыцаремъ былъ нашъ Шопенгауэръ: у него не было никакихъ надеждъ, но онъ хотѣлъ истины. Нѣтъ ему подобнаго!“ Такъ писалъ Нитче „въ тѣ дни, когда въ жилищѣ рая блисталъ онъ, чистый херувимъ“. Теперь онъ закрываетъ глаза, увидя имя Шопенгауэра и, обозвавъ его издали фальшивымъ монетчикомъ, спѣшитъ пройти мимо. Какова-же истинная монета философіи, Нитче уже показалъ намъ, признавая человѣка машиной, а чистый духъ —чистой глупостью. Какъ видно, онъ и „внизу“ остается рабомъ чужихъ мыслей, какимъ былъ „наверху“. Тогда онъ повторялъ Шопенгауэра, теперь повторяетъ популяризаторовъ Дарвина. Это, какъ я сказалъ, Писаревъ, только безъ искренности Писарева. Въ сущности Нитче остается въ душѣ падшимъ ангеломъ идеализма и не можетъ не презирать плоскаго и тусклаго матеріализма. Если-же онъ якшается съ жизненными инстинктами и послѣдними словами физіологіи, то дѣлаетъ это, какъ римскіе полководцы, которые заискивали передъ грубой солдатчиной и чернью—для достиженія престола, для сохраненія своей индивидуальности. Но за то, какъ счастливъ бываетъ Нитче, когда можетъ обольстить себя самого какой-нибудь наивной мечтой, хотя-бы о вѣчной повторяемости явленій и по этому поводу пѣть прежнюю пѣсню о вѣчности, непозабытую пѣсню, ибо ему забвенья не далъ Богъ. „О, какъ-же страстно не стремиться мнѣ къ вѣчности, къ брачному

кольцу колецъ,—кольцу возрожденія!“ Бѣдный возмутившійся херувимъ, собственной гордыней осужденный на прозябаніе въ подземельяхъ матеріализма!

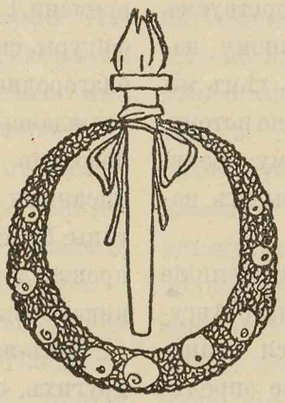
Безъ сомнѣнія, идеямъ Нитче суждено имѣть большое вліяніе на литературу. Найдутся писатели, загипнотизированные ихъ блескомъ и силой,—они будутъ приправлять ими свои стихи и прозу. Но сильно сомнѣваюсь въ томъ, чтобы нитчеанство могло повліять на міросозерцаніе людей, на ихъ характеръ, на взаимныя отношенія. Немногіе „прозрѣвшіе“ за нимъ не пойдутъ, ибо грубое здоровье, во что-бы то ни стало, не кажется имъ лучше утонченной и прекрасной болѣзни. „На что вамъ вообще непремѣнно здоровье?“ Что-же касается толпы, то ей некуда итти за Нитче: она уже давно воплотила въ жизни всѣ завѣты нитчеанства, — презрѣніе къ философіи, подчиненіе инстинктамъ, жестокость, гордость, властолюбіе. Если-же люди не безпредѣльно жестоки, то по необходимости. Надъ кѣмъ проявлять „благородную“ мораль, велящую ударить слабаго и толкнуть падающаго? Надъ народомъ? Надъ земледѣльцами? Надъ фабричными рабочими? Исторія революцій даетъ на этотъ вопросъ неожиданный отвѣтъ. Или, можетъ быть, ворваться въ больницы и придушить больныхъ или прикончить стариковъ? И на этомъ пути представители научнаго эмпиризма сдѣлали кой-какіе шаги: стоитъ лишь вспомнить кампанію, начатую Спенсеромъ противъ налога на бѣдныхъ и призрѣнія слабыхъ. Нитче можетъ быть доволенъ „благороднымъ“ европейскимъ обществомъ и даже народомъ, ибо ненавистное ему демократическое равенство держится не на христіанскомъ состраданіи, какъ онъ утверждаетъ, а на дѣяніяхъ насилія, на благородномъ фундаментѣ изъ желѣза и крови. Къ тому-же въ наше время сила и власть пріобрѣтаются знаніемъ, талантомъ,—качествами,которыя по наслѣдству не передаются. Восторгаясь музыкой Бизе, развѣ Нитче справлялся, принадлежитъ-ли этотъ композиторъ къ сословію благородныхъ или къ плебсу? И развѣ происхожденіе Нитче—сына сельскаго пастора—принимается въ разсчетъ при оцѣнкѣ его идей?

Не думаю также, чтобы Нитче удалось дискредитировать въ глазахъ людей философію и чистый разумъ. Скорѣе наоборотъ. До сихъ поръ отвергали философію на томъ основаніи, что цѣль философіи—нравственность, а для нравственной жизни достаточно врожденныхъ намъ инстинктовъ любви и состраданія. Такъ разсуждали наши радикалы, такъ разсуждаетъ Толстой. Но вотъ пришелъ Нитче и заявилъ, что намъ также врождены инстинкты жестокости и господства, и что эти инстинкты единственно благородные и достойные гордой души. Кто-же теперь разберетъ споръ между инстинктами, кто другой, какъ не чистый разумъ?

Но если Нитче не можетъ быть названъ ни учителемъ людей, ни творцомъ нравственныхъ цѣнностей, онъ безспорно имѣетъ право на славу художника-поэта, воспѣвшаго съ рѣдкою искренностью обуревавшую его любовь къ самому себѣ, ненасытную страсть къ самому себѣ, жажду сверхчеловѣческаго величія и поклоненія. Конечно, такая любовь—признакъ болѣзненной, утонченной культуры. Но съ исповѣдью Нитче случилось то, что бываетъ со всякой искренней поэзіей: мы поняли страданія поэта и отожествили себя съ нимъ.

Нитче примирилъ насъ съ тѣмъ, съ чѣмъ, казалось, нельзя мириться: съ маніей величія. Мы видимъ человѣка, которому Богъ отказалъ въ способности создать философскую систему, но который только объ этомъ мечтаетъ и томится, всю жизнь горѣлъ и страдалъ и перегорѣлъ на этомъ огнѣ, а системы не создалъ. Но въ какіе яркіе образы одѣлъ Нитче свое невоплощенное желаніе быть философомъ. Сперва онъ назвалъ это жела-

ніе Заратустрой, а вмѣсто того, чтобы поучать людей новой истинѣ, сталъ разсказывать о человѣкѣ, который будто-бы поучалъ ихъ. Но и Заратустра, въ свою очередь, имѣлъ только желаніе поучать истинѣ и это свое желаніе назвалъ сверхчеловѣкомъ. Придетъ сверхчеловѣкъ и принесетъ міру новую истину. Можетъ быть, принесетъ, но ни Заратустра, ни Нитче ея не принесли. За то Нитче принесъ свою жажду быть пророкомъ, свои страданія, свой талантъ, свой бурный талантъ, похожій на Ніагару.

Мы теперь знаемъ, что движеніе водопада никуда насъ не вынесетъ, что этотъ порывъ является въ сущности паденіемъ, но мы слышимъ могучій голосъ освобожденной стихіи и внутренно радуемся. Или, вѣрнѣе сказать, не освобожденной стихіи, но освобождающейся, вѣчно освобождающейся и падающей. Все-же, что касается душевной свободы, такъ значительно и драгоцѣнно, что даже освобожденію отъ философіи, отъ истины, отъ добра—мы внутренно радуемся, какъ побѣдѣ души надъ самой собой.

Н. Минскій.